

«ВОЛЯ К БАРОККО» И ДИНАМИКА ОРНАМЕНТАЦИИ СТОЛОВОЙ КЕРАМИКИ КРШК КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА

А.А. Романчук

Романчук Алексей Андреевич — магистр антропологии, научный сотрудник Института культурного наследия, Кишинёв, Республика Молдова. Кишинёв, MD-2001, бульвар Штефан чел Маре ши Сфынт, 1. E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

Романчук А.А. 2020. «Воля к барокко» и динамика орнаментации столовой керамики КРШК карпато-днестровского региона. *Концепт: философия, религия, культура*. Том 4. No 2 (14). С. 82–95. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-82-95>

Статья поступила в редакцию: 23.02.2020. Принята к публикации: 26.05.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Отталкиваясь от идей Г. Вельфлина, О. Шпенглер обозначил любопытную культурологическую проблему соответствия стадий развития искусства и стадий развития общества. Безотносительно верности их наблюдений и выводов, сама идея поиска и анализа такого рода корреляций представляет значительный научный интерес, и в особенности применительно к обществам до-письменным, известным нам исключительно (или преимущественно) по данным археологии. Настоящее исследование представляет собой попытку, опираясь на эмпирические археологические данные, относящиеся к т.н. Культурам Резной и Штампованной Керамики (КРШК) эпохи раннего гальштата (XII–IX вв. до н. э.) Карпато-Днестровского региона, проверить некоторые выводы и наблюдения Г. Вельфлина и О. Шпенглера. С этой целью, и исходя из разработанной автором ранее пятифазной периодизации развития КРШК Карпато-Днестровского региона (и такой ее ключевой культуры, как Сахарна-Солончень), была проанализирована динамика развития орнаментации столовой керамики этой общности. Как показал анализ, развитие орнаментации керамики КРШК шло от минимального количества мотивов — ко все большему. Наблюдается и резко выраженная тенденция к максимальному заполнению орнаментируемой поверхности. Максимум эти процессы достигают на фазе IV культуры Сахарна-Солончень — что совпадает и с периодом ее расцвета. На этой же фазе наблюдается и максимальная инновативность в орнаментальном ансамбле Сахарна-Солончень, и открытость к внешним влияниям.

Ключевые слова: культурная динамика, орнаментация керамики, стадии развития, теория и история культуры, Карпато-Днестровский регион, ранний гальштат.

Несмотря на то, что время от времени возникают «Археология гуманитарного знания» (М. Фуко) или «Археология свободы» (М.Е. Ткачук), в целом археология редко стремится и к тотальной экспансии, и к статусу «науки наук». Тем не менее, применительно к взаимоотношениям археологии и культурологии подчас трудно сказать, где заканчивается одна — и начинается другая. Помимо таких, базовых для археологии, понятий, как «археологическая культура», «материальная культура» или, например, «культурный слой», весьма прозрачно адресующих нас к предмету культурологии, существует множество вопросов и ситуаций, где от археолога требуется своего рода «вторжение» в культурологию.

И хотя современная культурология, напротив, со своей стороны достаточно редко (насколько я могу судить) «вторгается» в археологию, предпочитая концентрироваться на обществах скорее более поздних, и особенно современных, в целом такое взаимопроникновение и синтез археологии и культурологии представляют собой явление, пожалуй, повсеместное. И должен сказать, что в таком положении вещей я не только не вижу ничего дурного, но, напротив, считаю его чрезвычайно полезным и важным для обеих сторон. Происходит взаимное обогащение, и «общие плоды» получаются, на мой вкус, заметно крупнее и слаще, нежели порознь.

Тем не менее, и несмотря на такое взаимопроникновение, существует, пожалуй, также и общий (даже если, скорее, негласный) консенсус, что в этом тандеме культурология (особенно в своей ипостаси «теории и истории культуры») выступает, в значительной мере, как дисциплина теоретическая для археологии. Археология же, в свою очередь, служит (на сегодняшний день, на мой взгляд, правильнее будет все же сказать: должна служить) для культурологии неисчерпаемым поставщиком эмпирических данных о культуре дописменных обществ.

При этом, как мне кажется (и, вполне возможно, ошибочно), сегодня заметно не хватает как раз работ, которые начинали бы от археологической компетенции, от

сугубо археологического анализа (и выполненного именно археологом — человеком, находящимся «внутри» археологического знания) эмпирических данных, и продолжали бы их теоретическим осмыслением в рамках компетенции культурологической.

В данной работе я как раз и хотел бы предпринять одну попытку такого рода.

Изначальным побуждением к этому послужила одна любопытная культурологическая проблема, сформулированная в своё время О. Шпенглером в форме, скорее, поэтической, нежели научной. Я подразумеваю его известное наблюдение и теоретическое обобщение, в кратчайшей форме звучащее как «Готика и барокко — это юность и старость одной и той же совокупности форм: зреющий и созревший стиль Запада» (цитируется по изданию: [Шпенглер, 1998: 373]). Или: «...романика, готика, Возрождение, барокко, рококо суть только ступени...» [Шпенглер, 1998: 369].

Впрочем, насколько могу судить, О. Шпенглер здесь скорее лишь несколько переосмыслил выводы своего старшего современника, такого крупнейшего теоретика истории искусства, как Г. Вёльфлин. Последний в своей работе «Ренессанс и барокко» (1888 г.) даже писал: «Образ расцветающего и вянущего растения превосходно поясняет эту теорию. Как растение не может цвести вечно, а неизбежно подлежит увяданию, так и ренессанс не мог всегда оставаться верным себе. Он вянет, теряет свои формы, и это его состояние мы называем барокко» [Вёльфлин, 2004: 135]. Можно вспомнить в этой связи и о Венской школе искусствознания (и прежде всего об А. Ригле).

Однако, я не хотел бы здесь ни углубляться в искусствознание, ни выяснять предшественников и вдохновителей Шпенглера. Равно как хотел бы избежать втягивания в спор: чем то же барокко отличается от, например, готики (сравните: «... в конце концов, готика это то же самое» [Карпентьер, 1984: 111]).

Но сама идея постижения исторической динамики той или иной археологической культуры (а, соответственно, и отражаемого ею общества) через анализ

динамики такого, так или иначе связанного со сферой искусства, её компонента, как орнаментация керамики, представляется мне чрезвычайно привлекательной. И уж во всяком случае, вечно актуальными (для каждого общества и эпохи облеченными в соответствующую конкретику, понятно) будут вот эти вопросы Г. Вельфлина: «Как связана готика с феодализмом и схоластикой? Какой мост можно перекинуть между иезуитами и барокко?» [Вельфлин, 2004: 139].

Поэтому мне кажется любопытным посмотреть на определённую археологическую культуру (или культуры) именно сквозь призму этой идеи О. Шпенглера и некоторых суждений Г. Вельфлина.

Именно, я подразумеваю здесь те их наблюдения, которые позволяют очертить своего рода «стрелу времени», вектор эволюции: где рождение культуры начинается с простоты, прямоты и лаконичности, даже скудости, и идет к пышности, избыточности, «изогнутости» и «криволинейности» — на стадиях заключительных, «стадиях барокко». От «единообразия» рождения культуры — к «разнообразию» на кануне гибели.¹

Особую любопытность такой попытке придает, как мне кажется, то, что именно со стороны археологии ранее были озвучены некоторые выводы, которые в опре-

деленном смысле расходятся как с идеей О. Шпенглера, так и с суждениями Г. Вельфлина.

Я имею в виду выводы, которые, отталкиваясь от результатов своего исследования гетской (и, отчасти, и скифской) культуры, сформулировал М. Е. Ткачук в своей «Археологии свободы» [Ткачук, 1996]. Используя выводы И.С. Пригожина о закономерностях поведения самоорганизующихся систем, М.Е. Ткачук предложил, что для археологических культур (и, соответственно, для стоящих за ними человеческих обществ) вообще характерна корреляция максимальной склонности к приобретениям и инновациям, корреляция максимального разнообразия — с фазой зарождения и молодости культуры.² А отказа от новых приобретений, и, соответственно, высокого единообразия культуры — с фазой заката и гибели [Ткачук, 1996: 94-130]. При этом, на его взгляд, верно соотношение: «чем больше мы теряем, тем больше мы приобретаем», и наоборот — «чем меньше мы теряем, тем меньше приобретаем».

То есть, согласно М.Е. Ткачуку, рассмотренные им археологические данные рисуют как раз иную эволюционную стрелу времени: от максимального разнообразия — к единообразию.

Что ж, полагаю, что в этой ситуации будет небезыntenесно положить на чашу

¹ То есть, используя здесь понятие «барокко», в его понимании я, исходя из стоящих перед исследованием задач, предлагаю сконцентрироваться именно на вышеописанном представлении. Возможно, оно покажется достаточно упрощённым и акцентирующим лишь некоторые характеристики барокко. Однако, во всяком случае, такое представление кажется вполне резонирующим с видением многих знатоков барокко (впрочем, не только знатоков: «Большинство людей под «барочным искусством» понимает излишне орнаментированную архитектуру XVII века ... искусство барокко ... характеризуется отвращением к пустому пространству, к гладкой поверхности, к линейно-геометрической гармонии» [Карпентьер, 1984: 109]).

Так, характеризуя барокко, Г. Вельфлин писал: «Новый вкус не мог больше терпеть пустые стены, и потому вся композиция разрешалась в избытке декоративных украшений и движения [Вельфлин, 2004: 122]. Или же: «масса украшений и деталей грозит затопить сдерживающие ее границы» [Вельфлин, 2004: 124]; «усложненная композиция и доходящий до необозримости избыток форм и мотивов (который ведет к тому, что детали, как бы велики они ни были, полностью утрачивают самостоятельное значение), тогда от подобного соединения всех элементов и рождается столь свойственное барокко оглушающее и опьяняющее изобилие» [Вельфлин, 2004: 125].

В своей «Воле к барокко» Х. Ортега-и-Гассет начинает с лаконичного: «стиль барокко был вычурным и сложным» [Ортега-и-Гассет, 1991: 152]. И поясняет на примере Достоевского и Эль Греко: «Каждая фигура — пленница динамичного порыва; тело перекучено, оно колеблется и дрожит, как тростник под штормовым ветром — вендавалем. Нет ни единой частицы в организме, которая не извивалась бы в конвульсиях. Жестикуют не только руки, все существо — сплошной жест.... У Эль Греко все превращается в жест, в *dynamis*. ... Картина у него — то ли стремительная спираль, то ли эллипс, то ли буква «S» [Ортега-и-Гассет, 1991: 154].

Пожалуй, весьма красноречиво, и достаточно, чтобы представить себе сущность барокко в, по крайней мере, понимании Х. Ортеги-и-Гассета.

² Сравним: «Он был поистине барочным писателем, он изобретал слова, обогащал язык, позволяя себе любую языковую роскошь: когда ему не хватало глаголов или наречий, он изобретал их ...» [Карпентьер, 1984: 110].

весов (и на стол исследователей) и иные археологические данные.

В этом качестве я хотел бы предложить рассмотреть археологические данные (конкретно: орнаментацию керамики), относящиеся к т.н. культурам Резной и Штампованной Керамики (по принятой в археологической литературе аббревиатуре — КРШК) Карпато-Днестровского региона.

Мой выбор здесь обусловлен, с одной стороны, тем, что как археолог, я занимаюсь исследованием этой культурной общности уже двадцать лет (в частности: [Романчук, 2003; 2011; 2011а; Романчук, Якимовская, 2014; 2014а]). С другой же — общность КРШК Карпато-Поднепровья как раз отвечает некоторым дополнительным условиям, делающим для нас возможным поиск ответа на поставленный вопрос. К числу этих условий следует отнести, во-первых, значительную длительность существования предполагаемой к исследованию общности. А во-вторых, наличие возможности, и именно реализованной возможности (благодаря усилиям многих исследователей, в том числе и автора этих строк), выделить в развитии этой общности несколько фаз развития, стадий.

Итак, приступим.

И, прежде всего, уточним понятие КРШК, и представим самую общую характеристику этих культур (по возможности, не обременяя читателя сугубо археологической спецификой). Общность КРШК — это группа родственных культур эпохи раннего гальштата (XII–IX вв. до н. э.) Балкано-Карпато-Дунайского региона, для которых характерна резная и штампованная орнаментация керамики. Часто их также именуют культурами «орнаментированного гальштата» в противопоставление т. н. культурам каннелированного гальштата (Кишинев-Корлатень, Гава-Голиграды).

К общности КРШК относится и ряд раннегальштатских культур к востоку от Карпат, в Карпато-Днестровском регионе: Сахарна-Солончень (занимала Реуто-Днестровское междуречье), Козия (на территории к западу от Реута, но главным образом Прута, и почти до Карпат, с основной

зоной концентрации памятников в румынской Молдове (Кашуба 2000: 256, рис. III)), Балта (между Днестром и Южным Бугом), Холеркань-Ханска (зона лесостепи Пруто-Днестровского междуречья, правобережье Днестра ниже впадения Реута), Тэмэоань и Сихляну-Рымнице (юг румынской Молдовы) [Levițki, 1994: 239-240, pl. 1].

Эти культуры возникли не одновременно, и имели разную продолжительность существования.

В контексте рассматриваемой проблемы основное значение имеет возможность периодизации, выделения фаз развития КРШК. Исследование динамики любой культуры, как я отметил выше, подразумевает в качестве неизбежного предварительного условия — установление фаз развития, разработку периодизации этой культуры.

Для КРШК проблема периодизации решена в разной степени для составляющих эту общность культур, и для КРШК в целом.

Прежде всего, для Сахарна-Солончень мы располагаем даже несколькими вариантами периодизации.

Первая для Сахарна-Солончень периодизация была предложена А.И. Мелюковой в работе о керамике поселения Цахнэуць [Мелюкова, 1982: 3]. В ней А.И. Мелюкова поставила вопрос о выделении двух этапов развития Сахарна-Солончень.

Идея двух этапов развития Сахарна-Солончень была общепринятой среди исследователей вплоть до недавнего времени, и, опираясь на разработки А. И. Мелюковой (а также Г. И. Смирновой), её поддерживали и дополнительно аргументировали и М. Т. Кашуба, и О. Г. Левицкий [Кашуба, 2000: 351, 340].

Однако около двадцати лет назад мной была предложена идея о выделении в развитии культуры Сахарна-Солончень четырех фаз (с существенной оговоркой: «по меньшей мере») [Романчук, 2003: 67, 111-112]. В основу этой периодизации мной были положены прежде всего данные, относящиеся к материалам поселений культуры, и установленные ранее исследователями закономерности развития орнаментации КРШК.

Спустя несколько лет и М.Т. Кашуба, в совместной с М.Н. Дараган статье, также предложила разделить развитие Сахарна-Солончень на четыре этапа [Дараган, Кашуба, 2008: 46]. То есть, де факто согласилась с моими предложениями на этот счёт.

Еще чуть позже, в 2008 г., мной было предложено (опять-таки, исходя главным образом из данных поселений и закономерностей развития орнаментации КРШК) более общая периодизационная схема развития не только Сахарна-Солончень, но КРШК Карпато-Днестровского региона в целом. И, как я постарался показать, для Сахарна-Солончень (и КРШК в целом) мы можем выделить пять фаз развития [Романчук, 2011а: 217]; но при этом я подчеркивал, что пятая фаза представляет собой достаточно эфемерное, слабо уловимое явление (в том числе, видимо, в силу своей незначительной продолжительности).

Наконец, в 2014 г. нами (совместно с А.Д. Якимовской) была предпринята попытка разработать ещё одну периодизацию развития культуры Сахарна-Солончень — но опираясь уже на данные погребальных комплексов [Романчук, Якимовская, 2014; 2014а]. В результате этой работы мы пришли к выводу, что погребальные комплексы Сахарна-Солончень группируются в три кластера — фазы, характеризующихся устойчивым и своеобразным сочетанием характерных для них признаков инвентаря и погребального обряда.

Однако, как мы уже тогда отмечали, «в перспективе, возможно, удастся разделить погребения третьей фазы на две ступени» [Романчук, Якимовская, 2014а: 168].

На самом деле, фактически уже на том этапе исследования разделение третьей фазы еще на два периода очертилось достаточно явно — по крайней мере, в виде ядра каждого из периодов: очевидно более ранние погребения с фибулами и пластинчатыми «браслетами» — с одной стороны, и более поздние погребения с железными удилами, роговым псалием и каменными оселками — с другой. Вопрос заключался лишь в том, чтобы определить круг тех погребений, которые группируются, соответственно, вокруг каждого из этих «ядер».

В процессе подготовки нового исследования необходимый анализ, опирающийся на параметры, основанные на мотивах орнаментации, был произведен, и действительно позволил очертить круг комплексов, атрибутируемых каждому из этих «ядер». И, соответственно, разделить бывшую фазу III на две новые.

Но, помимо этого, выявилась, на мой взгляд, и настоятельная необходимость выделить некоторые комплексы также в отдельную фазу — соответственно, пятую.

То есть, по результатам уточненного анализа погребальных комплексов, в развитии Сахарна-Солончень также выделяются именно пять (обратим внимание) фаз. Соответственно, наблюдается полное совпадение с выводами, полученными мной ранее иным методом, и с опорой в первую очередь на материалы поселений для Сахарна-Солончень и КРШК в целом. Надо полагать, что такое совпадение результатов является дополнительным подтверждением реальности именно пятифазовой периодизации развития Сахарна-Солончень.

Для прочих культур КРШК Карпато-Днестровского региона подобных внутренних периодизаций пока создать не удалось (в том числе, по всей видимости, и в силу меньшей продолжительности их существования) за исключением, пожалуй, Тэмэоань, где усилиями А. Ласло и М. Брудиу стало возможным выделять ее более позднюю фазу Вынэторь (по эпонимному поселению). Однако, в результате длительной работы многих исследователей (выделю здесь прежде всего тех же А. Ласло и М. Брудиу, а также В.П. Ванчугова и О.Г. Левицкого; весьма существенное значение имели и работы С. Моринца, П. Романа, Б. Хензеля, И. Харцуке и А.И. Мелюковой) удалось установить их взаимное хронологическое (а отчасти и культурно-генетическое) соотношение.

Соответственно, сегодня существует общий консенсус о том, что наиболее древние группы КРШК Карпато-Поднестровья — это Сихляну-Рымницеле и Балта. Несколько позднее Тэмэоань (с ещё более поздней фазой Вынэторь) и Холеркань-Ханска, которые в принципе друг другу синхронны.

Культура Козия возникает позднее, когда Тэмэоань и Холеркань-Ханска уже прекращают своё существование. И, наконец, по традиционной точке зрения, позднее всех этих групп возникает Сахарна-Солончень.

Однако, что касается Сахарна-Солончень, то, как я постарался показать в своих работах, традиционная точка зрения в своей оценке датировки не учитывала значительной длительности существования Сахарна-Солончень, и исследователи ориентировались на материалы её поздних фаз — отождествляя с их обликом культуру Сахарна-Солончень в целом. На самом же деле, из представленной мной аргументации следует, полагаю, что ранняя фаза Сахарна-Солончень, фаза Солончень-Хлиная, синхронна Балте и Сихляну-Рымницеле (и даже несколько древнее).³

Жанр данной статьи не позволяет углубляться в дебри археологической дискуссии по этому вопросу. Равно как и в отношении вопроса о культурно-генетическом соотношении культур и культурных групп КРШК Карпато-Поднепровья. Заинтересованные читатели могут обратиться к собственно археологическим работам по данной проблеме отсылки на них указаны выше.

Я же в дальнейшем анализе буду исходить из обоснованной мной ранее схемы развития КРШК, согласно которой у истоков КРШК Карпато-Поднепровья стоят памятники типа фазы Солончень-Хлиная культуры Сахарна-Солончень. Группа Балта представляет собой фактически их составную часть — ареалы Сахарна-Солончень и Балта смыкаются.

Группы Сихляну-Рымницеле, Тэмэоань и Холеркань-Ханска рассматриваются мной как результат ранних (на стадии Солончень-Хлиная) миграций из ареала Солончень-Хлиная в юго-западном направ-

лении, в направлении Нижнего Дуная, и последующего тесного взаимодействия с нижнедунайскими культурными общностями.

Культура Козия же возникает в результате ещё более поздней миграции (по периодизации на третьей фазе развития Сахарна-Солончень) носителей Сахарна-Солончень в западном направлении.

Итак, очертив культурно-генетическое и хронологическое соотношение культур и культурных групп общности КРШК Карпато-Поднепровья, обратимся к анализу динамики орнаментации характерной для них керамики. Здесь мы должны сразу оговорить, что на данном этапе исследования единственно методологически правильным подходом к такому анализу представляется вариант, исходящий из количественных показателей, характеризующих эту орнаментацию. Именно это позволяет перейти от ощущений и впечатлений от того же «буйства барокко» — к твёрдой почве его научного анализа.

В качестве параметра, наиболее поддающегося количественной оценке, в данной случае предстает параметр «количество мотивов». То есть, количество более или менее определенно выделяемых элементарных паттернов узора и способов их организации в более сложные композиции. Несмотря на определённую долю субъективизма, которая очевидно будет влиять в данном случае на оценки исследователей, все же здесь существует сложившийся консенсус, который позволяет фактор субъективизма в достаточной мере нивелировать. Тем более, когда речь идет о статистике, составленной для всех групп одним и тем же исследователем (и одновременно) — и, соответственно, исходя из одних и тех же критериев.

В частности, для Сихляну-Рымницеле, Балта, Холеркань-Ханска и Тэмэоань у нас

³ Должен заметить, что после выхода моей монографии ([Романчук, 2003]; ряд исследователей, и в том числе М.Т. Кашуба, имели возможность ознакомиться с ней еще до ее публикации, в 2001 г.), в историографии идет постепенный сдвиг в сторону удревнения Сахарна-Солончень. Уже к 2008 г. М.Т. Кашуба [Дараган, Кашуба, 2008], в сравнении со своей более ранней точкой зрения [Кашуба, 2000], принимает удревнение Сахарна-Солончень на более чем сто лет. Но, как я уже говорил, подобные половинчатые решения только умножают степень противоречий в той концепции генезиса КРШК (и Сахарна-Солончень в частности), которую М.Т. Кашуба пытается таким образом спасти. Сказав «а» — придется далее говорить и «б».

есть обобщающая работа О.Г. Левицкого [Leviṭki, 1994] которую и целесообразно принять для этих групп КРШК в качестве основного нашего источника в данном случае.

В работе О.Г. Левицкого приведены данные как по столовой керамике, так и по кухонной отдельно (что, несомненно, является очень большим плюсом). В данном исследовании мы, однако, сосредоточимся только на столовой керамике. Что же касается кухонной, то в целом для всех групп КРШК количество и набор мотивов и приемов орнаментации примерно одинаков. Так, для кухонной керамики [Leviṭki, 1994: 256, pl. 15] упомянутых выше ранних групп КРШК Карпато-Поднестровья мы имеем следующие показатели: Сихляну-Рымницеле — шесть мотивов (6); Тэмэоань (включая Вынэторь) — семь мотивов (7); Холеркань-Ханска — восемнадцать мотивов (18); Балта — пять мотивов (5). В целом, эти показатели, 5-7 мотивов для орнаментации кухонной керамики, характерны и для культур Козия и Сахарна-Солончень (Кашуба 2000: 296, рис. XIV), и даже Бабадаг [Niciṣ, 2008: 259-261, tab.1-3].

Выбивается из ряда, как видим, лишь Холеркань-Ханска. Ниже мы остановимся на возможном объяснении этого обстоятельства. А также будем учитывать характеристики орнаментации кухонной керамики КРШК в дальнейшем анализе. Специальное моделирование её динамики, однако, не представляется здесь необходимым.

Переходя же к столовой керамике [Leviṭki, 1994: 256, pl.17], укажем, что согласно приведенным О. Г. Левицким данным, для её орнаментации характерны следующие показатели: группа Сихляну-Рымницеле — семнадцать мотивов (17); Тэмэоань (включая Вынэторь) — двадцать девять мотивов (29); Холеркань-Ханска — тридцать пять мотивов (35); Балта — тринадцать мотивов (13).

Здесь, однако, необходимо уточнить, что в Сихляну-Рымницеле О.Г. Левицкий

в данном случае (и вслед за некоторыми румынскими исследователями) включил и отдельные, весьма немногочисленные находки фрагментов керамики с памятников культуры Бабадаг I (нижнедунайская культура КРШК; в своем генезисе, по всей видимости, связана с импульсами со стороны ранних групп КРШК Карпато-Поднестровья), атрибутируемые исследователями Сихляну-Рымницеле. Психологические мотивы такого подхода понятны — они призваны увеличить количество памятников Сихляну-Рымницеле, поскольку собственно Сихляну — это, по выражению А. Флореску, «два десятка черепков, найденных в неясном контексте».

Мне, всё же, такое расширительное толкование Сихляну-Рымницеле представляется неоправданным. Если же исходить из собственно Сихляну и Рымницеле, то количество мотивов орнаментации следовало бы резко уменьшить. А если учесть, что и Рымницеле, как отмечали некоторые исследователи (и я с ними вполне согласен), есть нечто немного более позднее и все же отличное от Сихляну, то количество мотивов орнаментации столовой керамики Сихляну становится ещё скуднее.

Впрочем, учитывая в своем анализе эти обстоятельства, далее при моделировании динамики орнаментации я всё же буду исходить из данных О.Г. Левицкого.

Что касается культур Козия и Сахарна-Солончень, то здесь у нас ситуация сложнее. М.Т. Кашуба, со ссылкой на [Laszlo, 1985: 6-9], указывает, что насчитывается пятьдесят три типа и варианта орнаментации и аксессуаров столовой керамики для культуры Козия [Кашуба, 2000: 308]. Однако, обращение к самой работе А. Ласло [Laszlo, 1985: 7, 13] показывает, что в обоих местах, где он приводит результаты своих подсчетов, речь идет совокупно о столовой и кухонной керамике вместе.⁴

Ориентируясь, однако, на опубликованные материалы Козия, можно полагать, что ориентация кухонной керамики Козия была всё же не очень разнообраз-

⁴ Очень признателен О.Г. Левицкому за возможность ознакомиться с текстом этой работы А. Ласло.

ной, и ограничивалась теми пятью мотивами, которые приведены в [Кашуба, 2000: 296, рис.XIV].

Соответственно, для столовой керамики Козия можно говорить о сорока восьми мотивах орнаментации.

Для Сахарна-Солончень у нас нет готовых подсчетов. Однако, во-первых, мы имеем совершенно очевидный и общепризнанный в литературе факт, что орнаментация столовой керамики Сахарна-Солончень много сложнее и насыщеннее мотивами, нежели орнаментация культуры Козия. В частности, в Сахарна-Солончень представлены отсутствующие в Козия многочисленные мотивы (криволинейные штампы — прежде всего S-видный, мотив «касательные к окружностям», и др.), представляющие собой влияния со стороны нижнедунайских культур КРШК (Бабадаг и Инсула Банулуй). Также можно отметить мотивы, представляющие собой результат влияния со стороны Белогрудовской, Чернолесской и Высоцкой культур, а также, в самом конце существования Сахарна-Солончень — со стороны культуры Басарабь-Шолданешть.

Во-вторых, мы можем получить более точные цифры, опираясь на опубликованные материалы, и прежде всего — на монографию М.Т. Кашуба. Соответственно, исходя из данных, приводимых М.Т. Кашуба в описании мотивов орнаментации [Кашуба, 2000: 309-311], а также исходя из вообще опубликованных материалов, можно говорить о не менее чем восьмидесяти шести мотивах и композициях (составленных из отдельных мотивов более сложных фигурах) для столовой керамики.

Однако, в данном случае надо иметь в виду и то, что характеристика М.Т. Кашуба относится к фонду мотивов, использовавшихся для орнаментации столовой керамики на протяжении всего, как уже отмечалось выше весьма длительного, времени существования Сахарна-Солончень. При этом, с одной стороны, какие-то из мотивов, характерных для ранних фаз Сахарна-Солончень, позже выходили из употребления. Впрочем, в основном все мотивы, фиксируемые на ранних фазах Са-

харна-Солончень, доживают до четвертой фазы её существования.

С другой же — представляется ясным, что основная масса этого фонда мотивов возникает в орнаментации Сахарна-Солончень на поздних, третьей и особенно четвертой фазах (по периодизации) её существования. На пятой же — резко сокращается как количество комплексов, так и количество мотивов орнаментации столовой керамики.

Соответственно, если рассматривать распределение мотивов орнаментации керамики Сахарна-Солончень по фазам, то для первой фазы мы видим всего два мотива орнаментации столовой керамики, и один — кухонной. Причём, характерная особенность этой фазы (отчасти продолжающаяся и на второй) — то, что значительное количество керамики вообще не орнаментировано.

Для фазы II насчитывается пять мотивов орнаментации столовой керамики, и один — кухонной. Для фазы III — пятнадцать мотивов орнаментации столовой керамики, и три — кухонной. Для фазы IV—двадцать два мотива орнаментации столовой керамики, и один — кухонной. Наконец, для фазы V мы видим два мотива орнаментации столовой керамики, и три — кухонной.

Однако, принимая в расчет эти цифры, мы должны также иметь в виду, что это — данные погребений. И мы точно знаем, что часть мотивов орнаментации, фиксируемых по данным поселений Сахарна-Солончень, в погребениях отражения не нашла. Прежде всего, это касается более редких мотивов — результатов внешних влияний со стороны нижнедунайских культур.

Помимо того, исходя из задач корреляционного анализа и размеров выборки, я не стремился в данном случае к чрезмерно подробному выделению вариантов мотивов, а некоторые мотивы — даже объединил в параметре «сложные композиции».

Исходя из всего вышеизложенного, представляется наилучшим вариантом отнести показатель в восемьдесят шесть мотивов орнаментации столовой керамики Сахарна-Солончень (с незначительной корректировкой в сторону уменьшения до,

условно, восьмидесяти мотивов; точнее на данный момент указать не представляется возможным, но здесь важен сам порядок цифр — а он достаточно ясен) именно к ее четвертой фазе.

Итак, вот основные интересующие нас количественные показатели. Опираясь на них, приступим далее к моделированию динамики орнаментации.

Как представляется, наилучшим вариантом будет обобщение информации

в виде двух графиков. В первом мы представим динамику орнаментации Сахарна-Солончень, исходя из материалов погребений этой культуры (рис. 1). Ранее она была показана в калиброванном (как отношение количества мотивов к количеству погребений фазы) виде [Романчук, 2020: таб.3, рис. 4], однако в данном случае представляется целесообразным увидеть эту динамику именно как изменение количества мотивов.

Рис. 1. Динамика орнаментации столовой керамики культуры Сахарна-Солончень.

Как показывает график (рис. 1), наблюдается резкий, трехкратный рост количества мотивов при переходе от фазы II к фазе III. Далее темпы роста существенно замедляются (хотя, как я уже отмечал выше, именно для IV фазы целый ряд мотивов был обобщён в параметре «сложные композиции»; принципиально, однако, картины это не изменит) — прирост количества мотивов составил лишь порядка 50% от предыдущего показателя. Такая динамика хорошо соответствует и динамике ряда других, рассмотренных ранее параметров, и в том числе, что особенно важно, динамике такого ключевого параметра, как индекс трудозатрат при сооружении погребальных конструкций. Трудозатраты при переходе к фазе III возрастают более, чем в два раза; далее, при переходе к фазе IV, прирост трудозатрат составил всего лишь около 12%.

Переход к V, заключительной фазе развития Сахарна-Солончень сопровождался и падением количества мотивов в десять раз — и почти до нуля. Такая динамика, опять-таки, полностью соответствует динамике прочих параметров, и в том числе динамике индекса трудозатрат.

Разумеется, учет материалов поселений приведет к увеличению количества мотивов орнаментации заключительной фазы Сахарна-Солончень. Изменения, однако, будут не слишком значительными. И весьма существенно, что основная доля прироста количества мотивов будет связана с заимствованиями из фонда сменяющей Сахарна-Солончень новой, пришлой с Дуная (из района Железных Ворот изначально) культуры Басарабь-Шолданешть. Собственный же фонд орнаментации Сахарна-Солончень, по всей видимости, на её заключительной фазе существенно деградирует.

Остановившись пока на этом в отношении Сахарна-Солончень, перейдем далее к общности КРШК Карпато-Поднепровья в целом (рис. 2). При моделировании динамики мы будем здесь, оставляя в стороне вопрос о родственных связях отдельных

групп (они гораздо сложнее, нежели это можно показать в рамках данной статьи), рассматривать их именно с точки зрения хронологической — как этапы, своего рода хронологические срезы, развития КРШК в целом.

Рис. 2. Динамика орнаментации столовой керамики КРШК Карпато-Днестровского региона.

Как уже было отмечено выше, здесь отдельно можно выделить ранние группы КРШК, которые друг другу частично синхронны (при этом Сихляну-Рымнице и Балта все же несколько древнее, а Тэмэоань и Холеркань-Ханска — моложе), и возникающую позднее культуру Козия.

Соответственно, на графике хорошо выделяются два своего рода «плато», образуемые хронологически близкими группами. Первое образуют Балта и Сихляну-Рымнице; близкие хронологически, они демонстрируют и сходные, достаточно низкие, показатели количества мотивов орнаментации. Причём, как было сказано выше, если рассматривать лишь собственно Сихляну и Рымнице, то эти показатели будут ещё ниже, и Сихляну-Рымнице сблизится даже не с группой Балта, но скорее даже с фазой I Сахарна-Солончень.

Второе «плато» — группы Тэмэоань и Холеркань-Ханска. Прирост количества мотивов получается весьма существенный, практически в два раза. В принципе, такой рост соответствует росту, наблюда-

емому при переходе к фазе II Сахарна-Солончень — именно с этой фазой Сахарна-Солончень данные группы КРШК в основном синхронны.

То, что показатели Холеркань-Ханска выше, чем у Тэмэоань, связано, надо полагать, со сложным генезисом Холеркань-Ханска. Она испытывала сильнейшие влияния со стороны соседних культур Кишинев-Корлатень и Белозерка; в начальный период её изучения эту группу даже пытались отнести к одной из этих двух культур.

Хронологически следующий этап в развитии КРШК связан с культурой Козия и фазой III в развитии Сахарна-Солончень. Как видим, количество мотивов орнаментации продолжает возрастать. Причем, если учесть, что группа Холеркань-Ханска участия в генезисе Козия очевидно не принимала (впрочем, как и Тэмэоань, по всей видимости), а также изложенные выше причины девиации Холеркань-Ханска, то этот рост выглядит даже существенно выше, почти двукратным.⁵

⁵ Если исходить из более ранних подсчетов самого А. Ласло [Laszlo, 1985: 7, 9, 13], где он указывает для Тэмэоань двадцать три (23) мотива орнаментации (совокупно столовой и кухонной), а для Козия — совокупно пятьдесят три (53), то рост получается даже почти троекратным (за вычетом доли мотивов орнаментации кухонной керамики — 16 против 46).

И этот тренд, как видим, тоже соответствует и рассмотренной выше динамике Сахарна-Солончень (рис. 1).

Наконец, тоже почти двукратный рост количества мотивов отмечается при сопоставлении Козия и Сахарна-Солончень на фазах расцвета (под которыми мы понимаем фазы III и IV).

Таким образом, моделирование динамики развития орнаментации КРШК Карпато-Поднестровья демонстрирует движение от мало-орнаментированной и даже неорнаментированной керамики в начале развития этой общности — ко всё более насыщенной и разнообразной орнаментации. Процесс этот имел неравномерный характер, и наблюдаются периоды взрывного роста (прежде всего при переходе к третьей фазе развития Сахарна-Солончень) количества орнаментальных мотивов. Максимальные показатели этот параметр демонстрирует на предпоследней, IV фазе развития Сахарна-Солончень. При этом, что важно, на этой же фазе наблюдается и максимальная восприимчивость Сахарна-Солончень к внешним влияниям — как со стороны нижнедунайских культур, так и северопричерноморских.

Следует также подчеркнуть, что с течением времени в Сахарна-Солончень площадь поверхности сосудов, покрытой орнаментом, увеличивается «многократно» [Кашуба, 2000: 311]. Своего пика этот процесс достигает также именно на IV фазе развития Сахарна-Солончень.

Также для развития орнаментации КРШК с течением времени характерен переход от открытых композиций, неограниченных (сверху или снизу) резными линиями — к композициям закрытым, ограниченными линиями.

Итак, если теперь сопоставить эти наблюдения с идеями О. Шпенглера и Г. Вельфлина, а также М.Е. Ткачука, то мы видим, что они в некоторых отношениях совпадают, в других же — существенно расходятся. Важно также учитывать и причины наблюдаемых процессов.

То есть, в развитии орнаментации КРШК, в полном соответствии с идеями О. Шпенглера и Г. Вельфлина, с течением времени идет усложнение орнаментации,

нарастание количества мотивов, и наблюдается резко выраженная тенденция к тому, чтобы максимально заполнить орнаментируемую поверхность. Наивысшего выражения все эти процессы достигают практически в конце существования КРШК Карпато-Поднестровья, на фазе IV Сахарна-Солончень.

На этой же фазе наблюдается и наивысшая инновативность в орнаментальном ансамбле Сахарна-Солончень, а также — открытость к внешним влияниям, особенно со стороны нижнедунайских культур КРШК. Последнее наблюдение расходится с ожидаемым согласно концепции М.Е. Ткачука — но вполне соответствует нашим ожиданиям от «фазы барокко».

Нельзя также сказать, в отличие от наблюдений М.Е. Ткачука, что эта повышенная инновативность Сахарна-Солончень на фазе IV совпадает и с вымыванием из орнаментального фонда мотивов более ранних. Нет, более ранние мотивы, иногда изменяясь и образуя новые комбинации, продолжают активно использоваться и далее.

На фазе IV Сахарна-Солончень в ней появляются и разнообразные «криволинейные» мотивы — как и следовало бы ожидать на «фазе барокко». Однако, весьма существенно, что эти «криволинейные» мотивы появляются в культуре Сахарна-Солончень не как результат её собственного внутреннего развития — но как результат внешних влияний с Нижнего Дуная и Балкан (где культуры с характерной насыщенной и богатой криволинейной орнаментацией керамики, типа Гырла Маре-Кырна-Жуто Брдо, составляют доминирующий компонент культурного ландшафта ещё с эпохи средней бронзы; можно было бы сказать, что, в полном соответствии с формулировкой Х. Ортега-и-Гассет, эти культуры действительно проявляют «волю к барокко»). И эти криволинейные мотивы, по всей видимости, всё же достаточно редки в Сахарна-Солончень, и составляют лишь периферийную часть её орнаментального ансамбля.

Наконец, вопреки ожиданиям, следовавшим бы из концепции О. Шпенглера, фаза IV в развитии Сахарна-Солончень, «фаза барокко», представляет собой, не-

смотря на очевидное замедление темпов роста — не менее очевидную фазу расцвета этой культуры. Да, рост замедляется — но он продолжается, и достигает своих максимальных значений (что особенно очевидно по индексу трудозатрат). Вряд ли можно охарактеризовать эту фазу как период упадка и в развитии орнаментации керамики.

Заключительная, пятая, фаза развития Сахарна-Солончень (и, соответственно КРШК Карпато-Поднепровья в целом) характеризуется упадком и в развитии орнаментации. И это коррелирует и с выводами М. Е. Ткачука. Однако, представляется достаточно очевидным, что причиной этого упадка были не внутренние процессы в развитии этой культуры (как следовало бы из концепции М.Е. Ткачука) — а деструктивное внешнее влияние, инвазия носителей новых культур (прежде всего — Басарабь-Шолданешть).

Таким образом, подводя итоги: результаты нашего анализа показывают, пола-

гаю, что процесс развития орнаментации столовой керамики общности КРШК Карпато-Поднепровья, демонстрируя весьма интересные параллели с высказанными ранее идеями и наблюдениями Г. Вельфлина, О. Шпенглера и М.Е. Ткачука, тем не менее, и существенно отклоняется от ожидаемых согласно предложенным ими концепциям. Развитие различных дописьменных, археологических, обществ шло по достаточно сложным и отличающимся в каждом конкретном случае траекториям, не вписывающимся в предзаданные схемы. Полагаю, привлечение к анализу иных археологических культур существенно обогатит наши представления о возможных вариантах этих траекторий, равно как и о лежащих в их основе причинно-следственных связях. И, что не менее важно: позволит продуктивно вести дальнейшие поиски решений проблем, поставленных ранее Г. Вельфином, О. Шпенглером и М. Е. Ткачуком.

THE WILL TO BAROQUE AND THE DYNAMICS OF FINE POTTERY ORNAMENTATION OF ISPC OF CARPATHIAN-DNIESTER REGION

A.A. Romanchuk

Aleksey A. Romanchuk — MA in anthropology, Researcher in Institute of Cultural Heritage (Moldova). Chisinau, MD-2001, bld. Stefan cel Mare si Sfint, 1. E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

Romanchuk A.A. 2020. *The will to baroque and the dynamics of fine pottery ornamentation of ISPC of carpathian-dniester region. Concept: Philosophy, Religion, Culture*. Vol. 4. No 2 (14). P. 82–95. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-82-95>

Received: 23.02.2020. Accepted: 26.05.2020.

Conflicts of interest. The author declares the absence of conflicts of interest.

Abstract. *Starting from some ideas of H. Wolflin, O. Spengler pointed out an interesting problem of correlation between the evolution of art and social evolution. Regardless of the realness of their observations and conclusions, the idea of searching and analyzing such correlations seems to be very fruitful, and especially in the context of preliterate culture surviving due to archeology. This paper, drawing on the empirical archaeological data related to so called Incised and Stamped Pottery Cultures (ISPC) of Early Hallstatt period (XII-IX centuries BC) of Carpathian-Dniester region, aims to consider and verify the ideas*

of H. Wolflin and O. Spengler. For this purpose, and basing on the previously established by the author five-phase evolution scheme of ISPC of Carpathian-Dniester region (including such a key component of ISPC as Sakharna-Soloncheni culture), the dynamic of fine pottery ornamentation of these societies is analyzed. The analysis demonstrates that the evolution of pottery ornamentation of ISPC started from a minimal number of ornamental patterns and moved towards increasing their number. The parallel tendency was the increasing of the ornamented square of pots. These processes, as well as the innovativeness and openness to external influences, peaked in the fourth phase of Sakharna-Soloncheni culture; this phase was also the time of its greatest prosperity.

Keywords: cultural dynamics, pottery ornamentation, phases of social evolution, theory and history of culture, Carpathian-Dniester region, Early Hallstatt.

References:

László A. 1985. *Hallstattul timpuriu și mijlociu pe teritoriul Moldovei. Rezumatul tezei de doctorat.* Iași: s.n. 23 p. (In Romanian).

Levițki O.G. 1994. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul proto-nistean al complexului Hall statti antimpuriu cu ceramic incizată. *Relations Thraco-Illiro-Helleniques*. Eds. P. Roman and I. Toma. Bucuresti: Institutul de Thracologie. P. 219-256 (In Romanian).

Nicic A. 2008. *Interferențe cultural-cronologi ceînnord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II - începutul mil. I a. Chr.* Chișinău: Bons Offices SRL. 282 p. (In Romanian).

Carpentier A. 1995. The Baroque and the Marvelous Real. *Magical Realism: Theory, History, Community*. Zamora L.P., Faris W.B. (eds.). Durham and London: Duke University Press. 100 p. (Russ. ed.: Karpent'er A. 1984. Barochnost' i chudesnaia real'nost'. *My iskali i nashli sebja: Khudozhestvennaia publitsistika*. Moscow: Progress. P. 109-121).

Daragan M.N., Kashuba M.T. 2008. Argumenty k rannei date osnovaniia Zhabotinskogo poseleniia [The arguments to the early dating of Jabotin settlement]. *Revista arheologică*. IV (2). P. 40-73. (In Russian).

Kashuba M.T. 2000. Rannee zhelezo v lesostepi mezhdru Dnestrom i Siretom [Early Iron Age in the forest-steppe region of the territory between Dniester and Siret rivers]. *Stratum plus*. № 3. P. 241-488 (In Russian).

Meliukova A.I. 1982. Novye dannye o keramike tipa Sakharna-Solonchen' v Moldavii [New data about the ceramic of Sakharna-Soloncheni type in Moldavia]. *KSIA*. № 170. P. 3-12 (In Russian).

Ortega y Gasset J. 1953. La voluntad del barroco. *Obras completas*. Madrid. Vol. 1. P. 403-406 (Russ. ed.: Ortega y Gasset J. 1991. *Eстетика. Философия культуры*. Moscow: Iskustvo. P. 151-155).

Romanchuk A.A. 2020. Dinamika evoliutsii ornamentatsii keramiki kul'tury Sakharna-Solonchen' i migratsionnye protsessy rannego gal'shtata v Karpato-Podnestrov'e. *Stratum plus*. № 3. P. 111-127 (In Russian).

Romanchuk A.A. 2011a. Gorizont Solonchen'-Khlinaiia, Edinetskaia kul'tura i drugie problem genezisa Sakharna-Solonchen': eshche odin shag k produktivnoi diskussii [Soloncheni-Hlinaya phase, Edinetskaya culture and some other questions of Sakharna-Soloncheni's origin: one more step to the productive discussion]. *Stratum plus*. № 2. P. 187-206 (In Russian).

Romanchuk A.A. 2011. *Krivye zerkala «mal'tuzianskikh lovushek»: proiskhozhdenie, periodizatsiia i demograficheskaia dinamika Kul'tur Reznoi i Shtampovannoi Keramiki Karpato-Podnestrov'ia (12 – seredina 8 vv. do R. Kh.)* [Wrong mirrors of «Malthusian traps»: the origin, periodization, and demographical dynamics of Incised and Stamped Pottery Ceramic Cultures of Carpathian-Dniester region]. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing. 137 p. (In Russian).

Romanchuk A.A. 2001-2002. Kul'tura Sakharna-Solonchen' I vozniknovenie ornamentirovannogo gal'shtata [The Sakharna-Soloncheni culture and the origin of the «Ornamented Hallstatt»]. *Stratum plus*. № 3. P. 8-117 (In Russian).

Romanchuk A.A., Iakimovskaia A.D. 2014. Korreliatsionnyi analiz pogrebal'nykh kompleksov kul'tury Sakharna-Solonchen' [Correlation analysis of the Sakharna-Soloncheni culture's burial complexes]. *Istoriia i Matematika: aspekty demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov: ezhegodnik*. Eds. L.E. Grinin, A.V. Korotaev. Volgograd: Uchitel'. P. 128-145 (In Russian).

Romanchuk A.A., Iakimovskaia A.D. 2014a. Otnositel'naia khronologiya kul'tury Sakharna-Solonchen' (po dannym pogrebal'nykh kompleksov) [The relative chronology of the Sakharna-Soloncheni culture (according to the data of burial complexes)]. *Kadyrbaevskie chteniia-2014. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Ed. A.A. Bisembayev. Astana: Megaprint. P. 165-169 (In Russian).

Spengler O. 1981. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Bd. 1. München: C.H. Beck. 1249 p. (In German) (Russ. ed.: Spengler O. 1998. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii. T.1. Geshtal't i deistvitel'nost'*. Moscow: Mysl'. 663 p.).

Tkachuk M.E. 1996. *Arkheologiya svobody* [The archeology of freedom]. Kishinev: Shtiintsa. 197 p. (In Russian).

Wolflin H. 1986. *Renaissance und barock: eine Untersuchung über Wesen und Entstehung des barockstils in Italien*. Leipzig: Koehler&Amelang. 338 s. (In German) (Russ. ed.: Wolflin H. 2004. *Recessans i barokko. Issledovanie sushchnosti i stanovleniia stilia barokko v Italii*. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika. 287 p.)

Список литературы на русском языке:

Вельфлин Г. 2004. *Ренессанс и барокко. Исследование сущности и становления стиля барокко в Италии*. Санкт-Петербург: Азбука-классика. 287 с.

Дараган М.Н., Кашуба М.Т. 2008. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения. *Revista arheologică*. IV (2). С. 40-73.

Карпентьер А. 1984. Барочность и чудесная реальность. *Мы искали и нашли себя: Художественная публицистика*. Москва: Прогресс. С. 109-121.

Кашуба М.Т. 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом. *Stratum plus*. № 3. С. 241-488.

Мелюкова А.И. 1982. Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончень в Молдавии. *КСИА*. № 170. С. 3-12.

Ортега-и-Гассет Х. 1991. Воля к барокко. *Эстетика. Философия культуры*. Москва: Искусство. С. 151-155.

Романчук А.А. 2020. Динамика эволюции орнамента керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье. *Stratum plus*. № 3. С. 111-127.

Романчук А.А. 2011а. Горизонт Солончень-Хлиная, Единецкая культура и другие проблемы генезиса Сахарна-Солончень: еще один шаг к продуктивной дискуссии. *Stratum plus*. № 2. С. 187-206.

Романчук А.А. 2011. *Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 - середина 8 вв. до Р.Х.)*. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing. 137 с.

Романчук А.А. 2001-2002. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата. *Stratum plus*. № 3. С. 8-117.

Романчук А.А., Якимовская А.Д. 2014. Корреляционный анализ погребальных комплексов культуры Сахарна-Солончень. *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов: ежегодник*. Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротяев. Волгоград: Учитель. С. 128-145.

Романчук А.А., Якимовская А.Д. 2014а. Относительная хронология культуры Сахарна-Солончень (по данным погребальных комплексов). *Кадырбаевские чтения-2014. Материалы IV Международной научной конференции*. Отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана: Мегапринт. С. 165-169.

Ткачук М.Е. 1996. *Археология свободы*. Кишинев: Штиинца. 197 с.

Шпенглер О. 1998. *Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Том 1: Гештальт и действительность*. Москва: Мысль. 663 с.